

Изъ психіатр. отд. Варшавскаго Уязд всаго военн. госпиталя.

Случай бѣсоодержимости.

К. В. ШАЛАБУТОВА.

Чѣмъ менѣе развитъ человѣческой умъ, тѣмъ шире и необъятнѣе для него область чудеснаго и сверхестественнаго; поэтому всѣ непонятныя и поражающія его явленія относятся имъ къ дѣйствию высшей, таинственной силы. Отсюда беретъ начало міросозерпаніе первобытныхъ народовъ, у которыхъ съ теченіемъ времени невидимыя отвлеченныя силы признавались за божества, управляющія судьбою людей, при чемъ возникало обыкновенно дѣленіе божествъ на добрыхъ и злыхъ, чистыхъ и нечистыхъ. Божества имѣютъ своихъ служителей—ангеловъ и бѣсовъ. Злые духи и ихъ воплощенія въ образѣ бѣсовъ, по вѣрованію первобытныхъ народовъ и малокультурныхъ народныхъ массъ, обладаютъ большимъ вліяніемъ на человѣческую жизнь; отъ нихъ зависятъ несчастія, смерть и болѣзнь. *Сумцовъ*¹⁾ говоритъ, что болѣзни издавна у разныхъ народовъ являются въ формѣ демоническихъ существъ. Духи мрака—врачи здоровья и жизни; они проникаютъ въ тѣло человѣка и служатъ источникомъ болѣзней, они помрачаютъ умъ и терзаютъ тѣло. Уже въ киричныхъ книгахъ древнихъ халдеевъ находятся заговоры противъ бо-

¹⁾ *Сумцовъ*. Культурныя переживанія. Кіевская старина. 1889.

лѣзней, какъ демоническiя существа. У францевъ были распространены магическiя закляпанiя и очищенiя отъ болѣзней, какъ нечистыхъ демоническихъ существъ. У грековъ и римлянъ болѣзни также имѣли демоническое значенiе. У древнихъ скандинавовъ внутреннiя болѣзни приписывались дѣйствию злыхъ духовъ и лѣчили ихъ заговорами и симпатическими средствами. Въ Англии въ X и XI вѣкахъ и позднѣе внутреннiя болѣзни считались непосредственно причиненными злыми духами, эльфами, демонами, чарами колдуновъ или пагубнымъ влiянiемъ дурного глаза. Славяне, въ частности—русскiе, раздѣляютъ со всеми другими народами вѣрованiе въ демоническое происхожденiе болѣзней.

Понятiе о бѣсоодержимости особенно совпадаетъ съ одною группою болѣзней, которая своими проявленiями всегда дѣйствовала устрашающе на воображенiе народныхъ массъ, а именно: эпилепсiей, истерiей и нѣкоторыми формами хорей. По *Тейлору*¹⁾ на дальнемъ востокѣ, на островахъ Товарищества и Георга злые демоны посылаются корчить и мучить людей судорогами и истерическими припадками, терзать несчастныхъ больныхъ какъ бы зазубренными врючьями или вругить ихъ внутренности. Случаи, гдѣ болѣзненное одержанiе духомъ переходило въ проридательное одержанiе, связаны въ особенности съ истерическими, конвульсивными и эпилептическими страданiями. У патагонцевъ люди, страдающiе падучей болѣзнию или пляской св. Витта, предназначаются въ волшебники, какъ избранные самими демонами. Явленiя одержимости бѣсами у варсаровъ и цивилизованныхъ народовъ не требуютъ подробнаго описанiя, представляя собою не болѣе, какъ продолженiе тѣхъ же явленiй у дикарей.

Если прослѣдить развитiе идеи бѣсоодержимости въ исторiи, то можно видѣть, что наиболѣе сильнаго расцвѣта

¹⁾ *Тейлоръ*. Первобытная культура. 1873.

она достигала вмѣстѣ съ подъемомъ религіознаго фанатизма. Такъ было въ первое вѣка христіанства, то же самое наблюдалось въ средніе вѣка. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ существовали цѣлыя эпидеміи бѣсоодержимости, достигавшія чудовищныхъ размѣровъ въ то мрачное время, когда діагностическимъ средствомъ служила инквизиція со всѣми ужасами ея утонченныхъ пытокъ, а радикальнымъ пѣлительнымъ средствомъ считался костеръ. Одержимость въ описываемое время характеризовалась такъ называемыми демоническими припадками, по характеру вѣдѣніи соответствующими кликушеству въ Россіи. Объ этихъ припадкахъ создалась обширная современная литература. *Лаберт онъ*¹⁾, въ вѣдѣніи одержимыхъ монахинь, такъ описываетъ ихъ припадки: „15 дѣвушекъ обнаруживаютъ во время причастія страшное отвращеніе къ св. Дарамъ, строятъ имъ гримасы, показываютъ языкъ и богохульствуютъ. Во время припадковъ онѣ описываютъ своими мѣстами разныя конвульсивныя движенія и перегибаются назадъ въ видѣ дуги безъ помощи рукъ, такъ что ихъ тѣло покоится болѣе на темени, чѣмъ на ногахъ, а вся остальная часть находится на воздухѣ“. Отличительною чертою многихъ одержимыхъ было присутствіе болевой нечувствительности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла, что называлось тогда „печатью дьявола“. Лаца, у которыхъ былъ найденъ этотъ признакъ безусловно сжигались на кострахъ. Количество жертвъ инквизиціи по дѣламъ о колдовствѣ и причастности къ дьяволу насчитывалось сотнями. „Почти въ каждой области Германіи преслѣдованіе свирѣпствовало съ ужасающей силой: 7,000 жертвъ были сожжены въ Трирѣ, 600—сжегъ одинъ епископъ въ Бамбергѣ, и 800—сожжено было въ одинъ годъ въ епископствѣ Вюрцбургскомъ. Во Франціи въ Тулузѣ на мѣстѣ пребыванія инквизиціи 400 человекъ погибли за колдовство

¹⁾ Реньяръ. Умственные эндемил.

въ одну казнь. Въ Парижѣ казни были безконечны. Въ Италіи въ провинціи Комо въ 1 годъ казнили 1,000 человекъ“¹⁾. Подъ дѣйствіемъ жестокихъ пытокъ жертвы инквизиціи клеветали на самихъ себя, рассказывали фантастическія исторіи о своихъ сношеніяхъ съ дьяволомъ о путешествіяхъ въ адъ, а также—на шабаши, описывали самого Вельзевула и другія подробности. Часто при этомъ дѣти доносили на своихъ отцовъ и, наоборотъ, родители—на дѣтей, такъ что цѣлыя семьи попадали въ руки инквизиціи.

Въ XVII вѣкѣ главными центрами распространенія одержимости были монастыри, откуда брали начало то и дѣло вспыхивавшія эпидеміи.

Что касается Россіи, то въ средніе вѣка въ ней подобныхъ эпидемій не существовало, но были сходныя съ демоніею заболѣванія, извѣстныя подъ именемъ „вликучества“ и „порчи“. Краицкій²⁾ указываетъ, что первыя свѣдѣнія о вликучествѣ или икогной болѣзни, какъ слѣдствіяхъ порчи, относятся къ 1606 году, когда „въ Перми были поданы двѣ челобитныя жалобы: одинъ челобитчикъ сдѣлалъ извѣтъ на крестьянина Тренку Талева, что тотъ „напустилъ икоту“ на его жену, а другой—на посадскаго Семейку Ведерника, который напустилъ икоту на его товарища по торговлѣ; обвиняемыхъ пытали и бинули въ тюрьму“.

Съ тѣхъ поръ судебныя дѣла о порчѣ попадаютъ все чаще и чаще, пишутся указы государей объ искорененіи вликучества, а съ начала XIX вѣка вликучество распространяется по Россіи повсемѣстно.

Въ недавнее время отмѣчены въ Россіи эпидеміи вликучества. Таковы, напримѣръ, Аспензовская эпидемія, насчитывавшая 12 женщинъ, и Тихвинская—9 женщинъ³⁾. Кли-

¹⁾ Делли. Исторія раціонализма въ Европѣ. 1871 г.

²⁾ Краицкій. Порча, вликучи и бѣсноватые. 1900.

³⁾ Краицкій. С. с.

кушество, какъ извѣстно, состоитъ изъ припадковъ, приуроченныхъ къ какому либо торжественному событію—молебну, ярестному ходу, или богослуженію, и выражающихся судорожными движеніями, соединенными съ выкрикиваніями о томъ, что больная испорчена, или—что въ нее вселился бѣсъ и т. п. Въ промежуткахъ между припадками больные обыкновенно ничего не помнятъ о случившемся.

Случай чистой бѣсоодержимости въ видѣ прѣчно фиксированнаго бреда, продолжающагося мѣсяцами и не сопровождающагося судорожными припадками, въ настоящее время сравнительно рѣдки. Ихъ можно видѣть только въ глухихъ медвѣжьихъ уголкахъ Россіи, а особенно—среди малокультурныхъ инородцевъ, напримѣръ, чукчей, у которыхъ и нынѣ существуютъ „шаманы“—кудесники, занимающіеся изгнаніемъ бѣсовъ. Кромѣ того, бѣсоодержимость нерѣдко встрѣчается въ Закавказь¹⁾.

Описаны также эпидеміи ея у орочевъ гольдовъ и другихъ народностей на Амурѣ и даже среди молдаванъ въ Европейской Россіи. Въ крупныхъ центрахъ такіе случаи почти совсѣмъ не попадаются. На этомъ основаніи позволамъ себѣ здѣсь привести исторію больного изъ психіатрическаго отдѣленія при Варшавскомъ Уздовскомъ военномъ госпиталѣ.

Рядовой Н-скаго пѣх. полка Иванъ Р. 22-хъ лѣтъ отъ роду, изъ землешцевъ, уроженецъ Воронежской губ. поступилъ въ психіатрическое отдѣленіе 16-го апрѣля 1910 года съ жалобою, что онъ заболѣлъ изъ-за нечистой силы, которая сидитъ у него въ груди.

При изслѣдованіи найдено слѣдующее: Р. среднаго роста, правильнаго сложенія, умѣреннаго питанія. Выраженіе лица довольно оживленное, можно сказать, игривое. Зрачки равномерно, средней ширины, хорошо реагируютъ какъ на свѣтъ,

¹⁾ Эрикзонг. Соціальное положеніе душевно и нервно больныхъ въ Закавказьѣ.

такъ и на аккомодацию. Цвѣтоощущеніе въ обоихъ глазахъ ослаблено и извращено. Лучше всего большой отличаетъ черныи, зеленый и желтый цвѣта. Красный и родственные ему цвѣта называетъ желтымъ, синий — зеленымъ. Поле зрѣнія равномѣрно сужено въ височной и нижней частяхъ. Языкъ чистъ съ фибриллярными подергиваніями. Глоточный рефлексъ сохрaненъ. Дрожанія пальцевъ вытянутыхъ рукъ не замѣтно. Чувствительность кожи на уколъ булавкой, а также тактильная и волосковая, сохранены. Кожные рефлексы отсутствуютъ, за исключеніемъ слабыхъ подошвенныхъ. Дермографизма и кровотеченія при уколѣ нѣтъ. Сухожильные рефлексы въ предѣлахъ нормы. Со стороны органовъ слуха, обонанія и вкуса объективныхъ измѣненій не найдено.

Возбудимость сердца повышена. Пульсъ 80—100 въ минуту, правильный, хорошаго наполненія. Тоны сердца чисты. Въ легкихъ и во внутреннихъ органахъ живота измѣненій не оказалось. Температура тѣла нормальна.

Изъ предварительныхъ свѣдѣній явствуетъ, что родители, братья и сестры Р. первыми болѣзнями не страдали. До военной службы онъ былъ человекомъ здоровымъ и крѣпкимъ, опанізмомъ занимался до женитьбы. Спиртные напитки употреблялъ, но рѣдко.

При поступленіи въ отдѣленіе больной заявилъ, что „нечистая сила“ уже во время пребыванія его въ ротѣ приставала къ нему много разъ. Чертей было множество, и всѣ они искушали его. Больной плакалъ, кричалъ: „братцы, товарище, спасите!“ но всѣ окружавшіе его оставались равнодушными, и никто не шелъ ему на помощь. Поэтому черти легко имъ завладѣли, и съ тѣхъ поръ онъ слѣдился чертомъ. Мѣстомъ вхожденія „нечистой силы“ больной считалъ лѣвую половину груди въ окружности соска и постоянно хватался за эту область рукой, отчего кожа тѣсь покраснѣла. Больной былъ немного возбужденъ и многорѣчивъ, неоднократно повторялъ слова: „я чертъ“, „чертъ“ и „не спасся“, но на вопросы, не имѣющіе отношенія къ его бреду, отвѣчалъ осмысленно. Въ окружающемъ, а также во времени разбирался хорошо.

При дальнѣйшемъ наблюденіи и опросѣ оказалось, что у Р., по его словамъ, имѣются рога, правда, небольшіе, а также—хвостъ. Величину роговъ больной приравнивалъ къ 3-ей фалангѣ указательнаго пальца. Присутствіе роговъ на

головѣ сильно беспокоило больного, и онъ старался ихъ сбить, ударяя головою о стѣну и о полъ. Хвостъ, по убѣжденію больного, находился подъ кожей промежности, являясь незамѣтнымъ снаружи, по доступнымъ ощупыванію. Чтобы подтвердить реальность хвоста, Р. хватался за промежность и пощупывалъ тамъ что то.

При объективномъ изслѣдованіи оказалось, что улазываемое мѣсто прикрѣпленія хвоста соответствовало *bulbus urethrae*, а самый хвостъ—*corpus cavernosum urethrae*, которое при ощупываніи нѣсколько смѣщалось подъ кожей. Недѣль черезъ шесть „рога“ у больного исчезли и больше не появлялись. Бредовая идея существованія хвоста была крѣпче фиксирована, оставаясь все время наблюденія. Кромѣ того, постоянно держались слуховыя и зрительныя галлюцинаціи и иллюзіи, которыя не давали больному покоя ни днемъ, ни ночью, такъ что онъ часто приходилъ въ возбужденіе. Ему слышались голоса, завываніе и лай чертей, которые, по его словамъ, находились за стѣною, за окномъ, подъ поломъ. Слово ему приложить ухо къ полу, къ столу—и онъ слышалъ лай чертей и крики: „дай сюда въ бездну“. Шумъ проѣзжавшихъ мимо зданія телегъ производилъ на него впечатлѣніе ѣдущихъ за нимъ чертей. Поэтому онъ постоянно повторялъ: „ѣдутъ за мной, пріѣхали, сейчасъ будутъ меня забирать въ адъ“. На вопросъ что съ нимъ будетъ въ аду, онъ говорилъ, что его стануть тамъ рѣзать и мучить. Дальше обыкновенно слѣдовали причитанія, въ родѣ: „не спасся! заберутъ меня въ адъ! маменька моя! па кого ты меня дурного оставила!“ Всѣ эти слова произносились съ довольно равнодушнымъ видомъ. Черти, по словамъ Р., представлялись въ видѣ черныхъ, а также зеленыхъ обыкновеннаго роста фигуръ. Видя, напримѣръ, черезъ окно занимавшагося въ двѣтникахъ садовника, онъ заявлялъ, что это чертъ. Надо сказать, что галлюцинаціей вкуса и обонянія, у больного Р. не наблюдалось вовсе, онъ ѣлъ и пилъ удовлетворительно. Время проводилъ больше въ постели или валяясь на полу; если же его выводили въ садъ, то гулялъ, наклонивши голову и размахивая все время руками, повторялъ свое: „не спасся“.

Вель себя, въ общемъ, достаточно тихо; охотно вступалъ въ разговоръ, но отвѣчалъ на вопросы большею частью разсѣянню, такъ какъ его вниманіе то и дѣло отвлекалось, а

интересы вращались около бредовыхъ идей. Къ осмысленному общенію съ окружающими онъ былъ очень мало способенъ, вслѣдствіе бредового содержанія сознанія, такъ что другіе больные сторонились его.

За время трехмѣсячнаго пребыванія Р. въ отдѣленіи въ бредѣ ничего новаго не прибавилось, не было и замѣтныхъ ремиссій. Отъ постояннаго раздраженія хватаніемъ руками въ кожѣ околососковыхъ областей (мѣсто вторженія бѣса) образовалась усиленная пигментація. Въ виду душевнаго разстройства больной былъ уволенъ въ отставку на родину.

Въ краткихъ чертахъ белѣзненные симптомы описаннаго случая сводятся къ слѣдующему: бредъ одержимости, соотвѣтствующія его содержанію слуховыя и зрительныя галлюцинаціи и иллюзіи, разстройство вѣстоощущенія, суженія поля зрѣнія, фибриллярныя подергиванія въ языкѣ, отсутствіе кожныхъ рефлексовъ, повышеніе сердечной возбудимости и, наконецъ, парестезіи въ области половыхъ органовъ, а также—около грудныхъ сосковъ. Иными словами:—имѣется на лицо бредъ въ сопровожденіи истероневрастеническаго симптомо-комплекса. На основаніи послѣдняго можно бы причислить разсматриваемый психозъ къ истерическимъ, но, такъ какъ истерія представляетъ иногда черты, сходныя съ другими психозами, то для правильной діагностики необходимо исключить формы съ присутствіемъ бреда. Сравнительно ровное настроеніе, подвижность, развязность, болтливость больного Р. исключаютъ меланхолію, для которой характерны—заторможеніе психической дѣятельности, чувство душевной боли и приступы тоски и страха. Отсутствіе послѣднихъ аффектовъ, а также—спутанности сознанія говоритъ противъ Мейнерта. Напротивъ, нѣкоторая распущенность въ поведеніи могла бы указывать на маниакальную форму психоза, но при наблюденіи больного нельзя было замѣтить свойственнаго мани ускоренія сочетанія идей, а также—ясной эуфоріи. Отрывочныя

демоническія идеи часто встрѣчаются при галлюцинаторномъ помѣшательствѣ въ средѣ простоародья, но вмѣстѣ съ этимъ бываютъ рѣзкія колебанія въ напряженности бредовыхъ идей и сумеречныя состоянія сознанія, чего у больного Р. не наблюдалось. При параноѣ обыкновенно преобладаетъ анализъ надъ воспріятіемъ, здѣсь же видимъ обратное:—вниманіе больного сосредоточивается на самомъ воспріятіи (въ данномъ случаѣ ложныхъ ощущеній, а не на ихъ истолкованіи). Наконецъ, отсутствіе спутанности и замѣтнаго упадка интеллекта исключаютъ возможность *dementia catatonica et dem. paranoïdes*.

Обращаясь къ условіямъ происхожденія бреда, легко видѣть, что въ жизни больного было достаточно причинъ и обстоятельствъ, способствовавшихъ его возникновенію. Отдаленной, внѣшней, такъ сказать, причиной бреда послужила бытовая сторона деревенской жизни съ ея суевѣріями, сказаніями и религіозными вѣрованіями при низкомъ культурномъ уровнѣ той среды, изъ которой Р. происходитъ и среди которой вращался. Въ частности, могло повліять внушеніе, оказываемое нѣкоторыми описаніями бѣсоодержимости, а также—разказы о припадкахъ и самые припадки бѣсоодержимости. Способствующей причиной могло послужить переутомленіе и, связанное съ нимъ, истощеніе мозговой коры, вызванное попой, несвойственной для новичка—землепашца и, во всякомъ случаѣ, требующей затраты большого запаса духовныхъ и физическихъ силъ, дѣятельностью солдата на первыхъ порахъ его службы. Наконецъ, ближайшей и, можно сказать, непосредственной причиной бреда данного содержанія являются парестезіи съ галлюцинаціями, имѣющія источникомъ мало извѣстныя физиологическія измѣненія въ подкорковыхъ центрахъ.

При нарушеніи питанія коры и разстройствѣ ея задерживающей, регулирующей функціи, съ одной стороны, и при болѣзненной дѣятельности подкорковыхъ центровъ—съ другой въ душу больного вторгается „односторонній матеріалъ“, съ

которымъ психика больного не можетъ справиться, и такимъ образомъ получается бредъ. Парестезии являются послѣднимъ толчкомъ, послѣ котораго на подготовленной уже почвѣ путемъ аллегоризаціи ощущеній бредъ возникаетъ и развивается. Такъ, у больного Р. какое-то ненормальное ощущеніе въ области *bulbus urethrae* подало поводъ къ оцупыванію промежности, а подвижность въ этомъ мѣстѣ кожи и ощущеніе перекапыванія подъ ней согр. *sacervnos. urethrae* навело на мысль о существованіи хвоста. Парестезіи въ области грудныхъ сосковъ (органовъ, имѣющихъ несомненно тѣсное отношеніе къ половой сферѣ) въ связи съ ощущеніемъ усиленнаго сердцебіенія послужили поводомъ къ образованію бредовой идеи о мѣстѣ входенія начистой силы. Равнымъ образомъ, присутствіе роговъ на головѣ, чувствуемыхъ больнымъ въ видѣ инороднаго тѣла (иначе онъ не старался бы ихъ сбить), по всей вѣроятности, имѣетъ исходной точкой ощущеніе, аналогичное *clavus hystericus*. Рядомъ съ этимъ надо поставить измѣненія въ цвѣтоощущеніи, которыя несомненно должны были отразиться на самочувствіи больного. Если представить себѣ, что весь міръ или окружающіе предметы являются въ глазахъ больного окрашенными въ необычный цвѣтъ, то отсюда недалеко до возникновенія идеи объ адѣ и ея обитателяхъ. На возможность подобной метаморфозы указываетъ, напримѣръ, зеленый цвѣтъ видимыхъ Р. чертей.

Перечисленные психопатологическія явленія въ комбинаціи съ истероневрастеническимъ симптомокомплексомъ создали подкладку для развитія заболѣванія бѣсоодержимостью, которое должно быть отнесено къ группѣ истерическихъ психоневрозовъ.

Въ смыслѣ прогностики это заболѣваніе относительно благоприятно, такъ какъ не грозитъ серьезностью исхода. Выздоровленія при немъ бывають во многихъ случаяхъ, хотя не исключена возможность возвратовъ.

Въ практическомъ отношеніи представляетъ интересъ судьба такого больного по выходѣ изъ лечебнаго заведенія. По прибытіи на родину при минимальной трудоспособности онъ явится тяжелымъ бременемъ для семьи.

Въ лучшемъ случаѣ либо будутъ его лечить у знахарей, либо станутъ возить по монастырямъ и святымъ мѣстамъ и тамъ искать для него исцѣленія.

Нельзя не учесть также возможности и другого исхода: при извѣстной неблагопріятной обстановкѣ фанатически настроенная толпа можетъ жестоко избить бѣсоодержимаго, а то и умертвить. Подобные случаи избіенія бывали и отмѣчены въ литературѣ.

Послѣ убійствъ возникали судебныя дѣла, въ которыхъ какъ судьямъ, такъ и врачамъ—экспертамъ представлялось рѣшить вопросъ: считать ли фактъ побитія на смерть результатомъ злой воли, или—слѣдствіемъ невѣжества толпы? Наиболее правильной будетъ, по видимому, такая точка зрѣнія, что—злого умысла здѣсь нѣтъ, а имѣется инстинктивное стремленіе темной толпы убересть обружающихъ отъ вселенія и въ нихъ бѣса, согласно реченію „изымите злого отъ васъ самихъ“, а слѣдовательно—убійство здѣсь является какъ бы родомъ невѣжественной самозащиты.